

Десять лет, отганных родной сцене

Сиротел Волковский театр. Смириться со смертью невозможно. Он так сросся с театром! Потаенно, для себя он понимал, что болен, что каждая новая работа уносит частицу его жизни. Только смерть заставила его оставить свой Волковский театр. «Когда человек умирает, изменяются его портреты...»

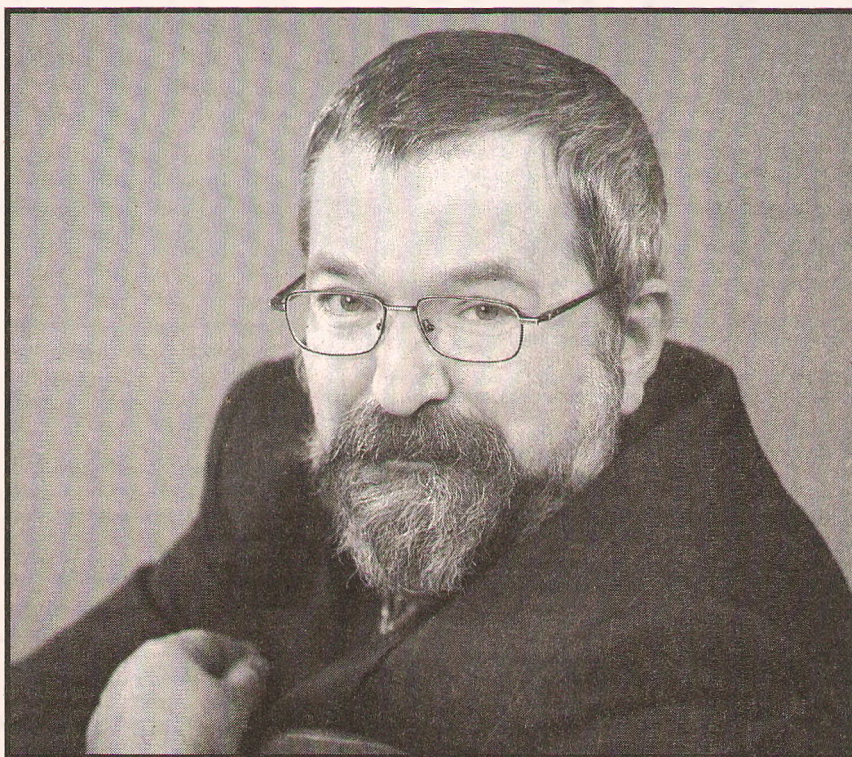
Для истинных волковцев портрет Боголепова не изменился. При жизни они успели сказать ему простые, трогательные, человеческие слова громадного уважения и благодарности. Боголепов для театральных людей был всегда символом надежной защиты. Защиты традиций русского театра и русской школы театральной игры, особо им чтимой. Защиты целостности театра, связей поколений, уважения истории и к театральному прошлому.

Здесь, в этих стенах, жили и живут его родные актеры — те, кого он безмерно любил, безмерно почитал, — его учителя, актеры, те, кому безоглядно отдавал себя. И каждый день, и каждый вечер он спешил к ним. Счастливецким и Несчастливецким, трагикам и комикам, путам и лицедеям. Он спешил к зрительный зал, внимательно и подробно наблюдая реакцию зала. Он видел, как меняется зритель, и мыслил об этом — как успеть оказаться переди вкусовых восприятий зрителя, а не потакать его сиюминутным потребностям.

В 1996 году, в сложный момент исторического распутья, острения конфликтов внутри театра, Владимиру Боголепову была доверена ответственность Волковский театр, его alma mater, его исток. Судьба отпала ему в Ярославле ровно лет.

Его учили замечательные педагоги и мамы режиссуры — Мирс Шишигин и Виктор Давыдов, Андрей Гончаров, Борис Гобовский...

Жизнь Владимира Боголепова в театре — трудная, подчас трагическая судьба подлинного художника, который, реализовавшись, тратил, сжигал себя, обретая глубоко ценимое счастье творчества. Это была полная самоотдача и одновременно высокая миссия в искусстве — утверждать добро человечности.

Боголепов начал с Льва Толстого, обратившись к его «кавказским мотивам». В «Кавказском романе» Боголепов переплетал сюжетные линии «Казачков», «Хаджи-Мурата», «Рубки леса». Эпичность интонации и несокрушимость нравственного пафоса, присущие прозе Л. Н. Толстого, сливались с художественной и мужественной гражданской позицией режиссера. В «Фоме» откликнулся Достоевский, глубинный и катастрофический, трагический и карнавальский. В гоголевском «Ревизоре» за веселым, ритмизованным карнавалом были видны ответы большой трагедии. В иронически-тонких и роскошно проработанных психологических «Спиритах» («Плоды просвещения» Л. Толстого) огромная лестница то уводила «звездных» бар в космическую мглу, то сбрасывала в преисподнюю, лишь русские мужики — праведники и мученики — оставались на родной земле. Ставя Гольдони («Честный авантюрист»), Боголепов вдохновенно импровизировал, создавая в качестве доминанты модель любимого им театра и театрального закулисья, где обитают только существа, бесконечно преданные театру. В «Рождественских грезах» режиссеру удалось создать особую атмосферу. Теплый, человеческий спектакль, в котором каждый из актеров по-

лучает шанс отпраздновать свой «профессиональный пир». В «Чайке» пронзительна уroveň печали, которой проникнута жизнь, и Сорин остерегает беззаботную молодость от легкомыслия и пустоты...

Теперь мы будем говорить «время Боголепова», «пора Боголепова».

Здесь, на Волковской сцене, в пору Боголепова поставлены «Король Лир» и «Гамлет» Шекспира, чешский режиссер Иван Раймонт по-новому прочел чеховского «Платонова» и «Кюджинские перепалки» Гольдони, осуществляя свою трилогию. Станислав Таюшев запомнился спектаклем о царе Петре и Алексее, Александр Кузин завоевал успех постановкой «Мудреца» Островского, Александр Попов поставил «Волки и овцы». Такой репертуар составит честь любому театру. С ним волковцы достойно являли себя на фестивалях и в зарубежных поездках. В спектаклях Боголепова блистали почи-

таемые им мастера — Николай Кузьмин, Феликс Раздьяконов, Владимир Солопов, Валерий Сергеев, Наталья Терентьева. Новые качества обретали актеры среднего и молодого поколения.

Неоценимым свойством его натуры были удивительная внимательность и деликатность. Он не был конфликтным человеком. И в самой острой ситуации умел найти уважительную интонацию. Он не был человеком, распахнутым настежь. Редко выходил на откровенные беседы. Он раскрывал душу в своих спектаклях.

Его страстью было создание нового поколения Волковского театра, он неутомимо и безостановочно думал о будущем театра, о его молодых силах. И вечерами ученикам отважно доверял самые ответственные роли в классическом репертуаре. Далеко не безоглядно, но с каким-то невероятным упованием, с верой в их силы и способности. А иначе на чем учить?

Спектакли, поставленные В. Боголеповым в театре имени Ф. Г. Волкова, стали неотъемлемой частью его истории.

В «Ревизоре» есть незабываемый эпизод. Грустно-насмешливая улыбка художника отдана знаменитому гоголевскому «Чему смеетесь?». Слова Городничего — Владимира Солопова словно бы провисают на миг... Никто не смеется. Бессмертное «Чему смеетесь? — Над собой смеетесь!» звучит с укором, мучительным надрывом и болью, как заклинание, как молитва...

«Плачу и рыдаю... О себе, грешном, и о вас...»

Маргарита ВАНЯШОВА.

Владимир Боголепов будет похоронен в Москве, на Домодедовском кладбище, где покоятся его мать и близкие родственники. Гражданская панихида состоится 28 апреля в 10 часов 30 минут в театре имени Ф. Г. Волкова.